

РОЗЕНБЛЮМ С.А.

Что ждет ребенка с аутизмом в обычной школе

Аутичный ребенок с сохранным или даже с высоким интеллектом приходит в школу, что его там ждет?

Сейчас в профессиональном сообществе уже накапливается некоторый опыт по созданию инклюзивных детских садов и начальных классов. Это действительно очень ценно, но необходимо думать о том, что будет с этими детьми дальше.

Между тем, ситуации в начальной школе и в средней различаются кардинально.

Если в детском саду или в начальной школе судьба особого ребенка зависит, в основном, от одного человека, то в средней школе положение принципиально другое, судьба ребенка зависит от того, насколько все, с кем ребенок взаимодействует, могут работать в команде, и насколько они придерживаются одних и тех же принципов.

Итак, кто такой аутист в массовой школе?

Это человек, который не считывает те сигналы окружающего мира, которые в

норме мы все понимаем. Он интеллектуально готов учиться в школе, но не может правильно взаимодействовать с социумом. Он четко выполняет все инструкции, но впадает в панику, если ситуация оказалась не прописанной. Он не может действовать адаптивно, т.к. в принципе не может быть алгоритмов на все возможные случаи жизни.

Как это выглядит на практике? Как его воспринимают окружающие, или какие **барьеры** возникают на его пути к образованию?

1. Любая нештатная ситуация: замена или отмена урока, отсутствие учителя, замена кабинета вызывают панику. Такой ребенок может заявить, что на замены он принципиально не ходит. Может уйти с урока, а может сесть на пол и читать свою книгу или учебник по другому предмету. Случайный и неподготовленный к этому учитель (а, скорее всего, на замену придет именно такой) устроит скандал, хотя правильной эту ситуацию просто не заметить.

2. Отношение к учителю и отношение к предмету для ребенка с аутизмом — одно и то же. Он не сможет учиться у учителя, со стороны которого ощущает враждебное отношение. С другой стороны, если учитель, встречая ребенка в коридоре, будет говорить ему что-нибудь доброжелательное, то проблем с этим предметом у ребенка не будет.

3. Любое требование к ребенку с аутизмом должно быть аргументировано, он органически не приемлет высказывания типа «так положено», «такой порядок» и т.д. Обязательно должна быть выстроена логическая цепочка, на его языке объясняющая, почему надо действовать так, а не иначе.

Два очень характерных примера.

Ребенок отказывался вставать в начале урока, когда учительница входила в класс. Ему объясняли, что так принято с ней здороваться. На это он отвечал, что только что видел её в коридоре и уже поздоровался. В этой ситуации у учителя был выбор: или требовать выполнения правила и практически наверняка спровоцировать скандал, или «не заметить». Через какое-то время, когда ребенок понял, что никто не обращает на него внимания, но все дети встают, он тоже начал вставать.

Другой пример. В алгебре числа принято обозначать малыми латинскими буквами, это некая условность, с точки зрения математики не имеющая значения. Поскольку у ребенка были проблемы с мелкой моторикой, и он писал крупными печатными буквами, он и на математике в формулах стал писать так же. Учительница попробовала ему объяснить, что ученые-математики когда-то очень давно договорились об общепринятом написании. На это он совершенно резонно, со своей точки зрения, ответил, что он в этом договоре не участвовал, с ним лично никто не договаривался, и поэтому выполнять этот договор он не обязан. К сожалению, совершенно замечательная учительница, понимающая про-

блему и сочувствующая ребенку и родителям, не смогла «поступиться принципами» и пойти на компромисс, в результате ребенок отказался у нее учиться, пришлось искать другой вариант. Со временем, когда этот вопрос перестал быть принципиальным, он постепенно перешел на правильное написание, убедившись, что все так действительно пишут. На самом деле, взрослому не всегда приходится в голову правильный ход. Возможно, если бы вовремя сообразили сказать, что большими буквами в математике принято обозначать множества, т.е. они уже заняты для другого, ситуацию удалось бы разрешить.

4. Он не может смириться с несправедливостью и будет бороться за справедливость так, как он её понимает, поэтому он будет бесконечно спорить, отнимая время урока и вызывая раздражение учителя.

5. Продолжением этого качества является то, что он не выносит нарушения правил кем-нибудь другим.

Например, он знает, что нельзя выкрикивать с места, а нужно поднять руку. На практике, в 5-м и 6-м классах дети часто кричат с места правильный ответ на вопрос, из-за чего аутичный ребенок или устраивает скандал, потому что он поднял руку, поступив по правилам, а его не спросили, или молча страдает от несправедливости.

6. В его действиях всегда есть своя внутренняя логика, но она абсолютно не стандартна, и часто учитель, у которого нет времени и желания вникать, воспринимает его поведение как каприз или сознательную провокацию, а ребенок поступает так потому, что по природе своей не может иначе.

Очень красноречивый пример.

Ждать звонка перед кабинетом ребенок не хочет, так как над ним могут подшучивать одноклассники. Со звонком он начинает двигаться в сторону кабинета, а поскольку ориентируется в пространстве школы не очень хорошо, то немного опаздывает. Урок уже начался. Учитель-

ница говорит ребенку, чтобы он быстро приготовился к уроку. Какой самый эффективный способ быстро в том хаосе, который представляет собой содержимое портфеля, найти тетрадь по русскому языку и учебник? Правильно, ребенок переворачивает портфель в проходе между партами так, что всё оказывается на полу, зато всё видно и можно быстро найти. Естественно, это вызывает бурную реакцию одноклассников, уже начавшийся урок прерван. А если эта ситуация повторяется неоднократно, то учительница воспринимает это совершенно однозначно как издевательство. В данном случае психологу пришлось работать с обоими: учительнице объяснить логику ребенка, а ребенку объяснить, как его действия выглядят со стороны, и помочь выработать другой алгоритм начала урока.

7. Аутичный ребенок не может самостоятельно организовать свою учебную деятельность, у него обязательно возникают проблемы с организацией пространства и времени, с соответствием всем требованиям. Он не может оказаться в нужное время в нужном месте с нужным заданием. Такой ребенок обязательно нуждается, с одной стороны, в помощи родителей, с другой стороны, в смягчении некоторых требований к нему. Родители опасаются помогать, боясь, что он не научится самостоятельности. Учителя обычно боятся, как другие дети воспримут поправки одному ребенку. На самом деле, дети всё понимают, и если учитель сам убежден, что справедливо — не значит одинаково, то дети это примут. Такой ребенок изначально находится в неравных условиях, ему тяжелее учиться, чем другим, поэтому ему необходима помощь.

8. Темп работы у аутичного ребенка более медленный, он часто не может уложиться в отведенное время на контрольной. Однако если разрешить ему потом дописать, т.е. снять с него тревогу по поводу времени, он может быть уложится в срок.

9. Недостаточно сформированные бытовые навыки создают дополнительные проблемы в общении со сверстниками и учителями. Ребенок не в состоянии увидеть себя со стороны, ходит неряшливо одетый, с незавязанными шнурками, расстегнутыми пуговицами и т.д. Если это интеллектуальный ребенок, то он может возводить свою неряшливость в принцип. Например, говорить, что умные люди должны оценивать других людей не по внешнему виду, а по внутреннему содержанию, а те, кто обращают внимание на внешний вид, умными не являются, поэтому их мнение его не интересует.

10. Проблемы взаимодействия с детьми: он очень хочет общаться со сверстниками, но не понимает, как это делать, у него не получается, и он страдает от того, что у него нет друзей.

11. Он не понимает подтекста, соответственно он не в состоянии понять, когда шутят, когда говорят серьезно, не понимает иронии, подшучивания, поэтому возникают частые конфликты.

12. Дети над ним смеются, его обижают, часто издевательство над ним становится развлечением для неблагополучных детей.

13. Для него социализироваться — это как раз научиться нарушать правила, т.е. списывать, хитрить и понимать, где можно в учебе схалтурить, т.е. обучиться тому, что знают и умеют остальные дети в школе.

Существуют две серьезные опасности, подстерегающие аутичного ребенка в средней школе.

Основная опасность состоит в том, что он создает учителям слишком много проблем, им не хочется возиться, они думают, что для таких детей есть специальные школы, куда его и пытаются отправить. Поскольку для аутистов с нормальным и высоким интеллектом нет отдельных школ, то стандартный путь — отправить такого ребенка на домашнее обучение.

Даже если представить себе, что дома можно организовать полноценное обучение, то при этом ребенок не учится основному, тому, что ему нужнее всего — общению. Он может освоить математику, химию и все остальные школьные дисциплины, но, не получив навыков общения, он останется социальным инвалидом и не сможет свои знания реализовать. Опыт показывает, что посещение кружков полезно как начало пути, но не дает такого полноценного навыка общения, как школа.

Ситуация удаления ребенка из школы драматична, т.к. с его точки зрения по отношению к нему абсолютно несправедлива, ему наносится травма, которая окажет воздействие на всю его дальнейшую жизнь.

Другая опасность состоит в том, что, оказавшись в поле недоброжелательного к себе отношения и со стороны учителей, и со стороны детей, ребенок сам откажется вообще ходить в школу, т.е. сам сознательно уйдет от попытки получить социальный опыт.

Поместить ребенка с аутизмом в школу, не создав для этого специальных условий, — очень большой риск.

В школе необходимо создание для него определенных условий, а со стороны родителей необходима постоянная поддержка его учебы.

Какой же выход?

У аутичного ребенка в школе должен быть сопровождающий педагог или психолог, к которому он может всегда прийти со всеми проблемами. Нереалистично представлять себе, что все учителя будут его понимать. Нужен «переводчик» между ним и окружающим миром, человек, который **на его языке** будет объяснять, чего от него хотят, и объяснять учителям, что с ним происходит.

Нужен человек, который сопровождает его в школьной жизни и находится в постоянном контакте с родителями, для того чтобы они дома могли тоже прорабатывать всё, что с ним случилось в школе.

Предварительно, перед тем как ребенок пойдет в класс, нужно, чтобы у него был установлен контакт с теми учителями, с которыми ему придется встречаться. Детям также нужно сказать кое-что о его особенностях, чтобы они относились к нему терпимее.

Если налажено такое взаимодействие, и ребенок чувствует поддержку и защищенность, то дальше можно принять ряд следующих правил, облегчающих ему школьную адаптацию.

1. Разрешать отвечать материал в любой удобной форме (письменной или устной).

2. Давать дополнительное время для написания контрольной работы.

3. Разрешать переписать контрольную работу.

4. Принимать работу позже установленного срока.

5. Оценивать собственный прогресс ребенка, сравнивать знания и умения ребенка не с некой усредненной нормой, а оценивать его собственные усилия.

Нужно искусственно создавать ситуации успеха на тех предметах, которые являются сильной стороной этого ребенка, чтобы дети вынуждены были обращаться к нему за помощью.

Зачем нужны все эти усилия?

- Только пытаясь общаться на практике, аутичный ребенок может этому научиться.

- Школьная жизнь — это не подготовка к взрослой жизни, это просто жизнь, и он тоже хочет и имеет право жить как все.

- Аутичный ребенок гораздо лучше развивается в социуме, для него важен процесс, хотя мы не можем знать, какой будет конечный результат.

Часто приходится слышать от учителей, что присутствие такого ребенка в классе снижает общую успеваемость, потому что учитель тратит на него лишнее время. Я полагаю, что это просто отговорка, прикрывающая собственное нежелание и неумение принять такого ре-

бенка. На самом деле в воспитательном и нравственном плане дети у умелого учителя приобретают гораздо больше, чем теряют, они приобретают тот уникальный опыт общения с «другим», который им потом пригодится в жизни.

В заключение хочу рассказать о совершенно уникальном опыте, который сейчас еще продолжается.

К нам в школу обратилась мама мальчика, имеющего диагноз РДА, который окончил начальную школу 8 вида. По возрасту он соответствовал 7-му классу, но должен был идти в 5-й.

Почему мама обратилась к нам?

У нас школа со специализацией в области различных технологий, в частности, в 5-7-х классах у нас работают с конструкторами ЛЕГО, программируют в среде РОБОЛАБ, на языке ЛОГО и изучают другие компьютерные технологии. Мальчик этим увлекался, поэтому мама надеялась, что за эту ниточку можно будет вытянуть и всё остальное. К тому же в нашей школе учились 2 старших брата Ромы, один оканчивал школу как раз в тот год, а другому оставалось учиться в 10-м и 11-м классах, и мама надеялась, что присутствие старшего брата облегчит ему привыкание к школе и не позволит детям обижать его.

На первую встречу с психологом Рома пришел с мамой и няней, которая его сопровождает всюду. Шум большой перемены так его напугал, что он закрыл голову руками и в контакт не вступал. Тем не менее, позже мы всесторонне обследовали Рому с помощью специалистов из ЦЛП и решили попробовать.

Первый год Рома занимался индивидуально и просто привыкал к школе. У него был индивидуальный график, он приезжал в школу каждый день, расписание было составлено таким образом, чтобы использовать «окна» в общешкольном расписании тех учителей, которые согласились с ним работать. В класс он ходил только на урок природоведения, там вела урок та же учительница, которая занима-

лась с ним индивидуально. Поскольку с ним занимались учителя, не имевшие опыта работы с такими детьми, у них создавалось ощущение, что эта работа не имеет смысла, что никакого прогресса нет, что научить его ничему нельзя. На самом деле это был очень длительный процесс установления контакта. Его темп был не такой, к которому они привыкли, приходилось всё время учителей поддерживать. Постепенно Рома привык к ситуации занятий, установил контакт со всеми учителями, привязался к ним, все перемены он проводил в кабинете психолога, начал иногда обращаться к тем детям, которые тоже часто проводили там время перемены. Иногда, сначала неохотно, потом смелее, стал заходить в игровую комнату. Все перемещения по школе были только с няней. Его приписали к определенному классу, мальчик с няней ездили на экскурсии для класса, в выездной трехдневный лагерь, однако никакого контакта с одноклассниками не получалось. Но у Ромы создавался стереотип, что он тоже школьник и, как все, ходит в школу. Общее состояние Ромы, по словам мамы, бабушки и няни за год очень улучшилось, он стал дома проводить время с семьей, участвовать в семейных праздниках. В школе он стал смело знакомиться с теми гостями, которые заходили в кабинет психолога (безопасное для него место), пожимал руку, отвечал на вопросы, начал смотреть в глаза.

На следующий год индивидуальные занятия продолжились, мама хотела, чтобы он посещал и уроки в классе тоже, просто, чтобы привыкал к стандартной ситуации урока, хотя по содержанию это не совпадало с тем, что он изучал индивидуально. Практически все учителя, занимавшиеся с ним, не преподавали в той параллели, к которой он был формально приписан. По договоренности с учителями Рома вместе с няней садился на заднюю парту, он безучастно сидел, иногда открывал в учебнике то место, на которое ему указывала няня, но никак в ситуацию

урока не включался. Он намного смелее передвигался по школе, с удовольствием помогал что-нибудь носить или двигать тем учителям, с которыми у него был контакт, на индивидуальных занятиях няня уже оставалась за дверью. По словам мамы, дома произошел качественный скачок в его ЛЕГО-конструировании: если раньше он собирал с братом и только по инструкции, то теперь он мог уже собирать сложные конструкции самостоятельно. В общем состоянии мама тоже отмечала выраженную положительную динамику.

В нынешнем году (это третий год его обучения в школе) случайно получилось так, что все учителя, которые с ним работают индивидуально, оказались учителями 5-го класса. Его, в качестве эксперимента, пригласили в класс сначала на математику, а потом и практически на все остальные предметы. Рома выполняет инструкцию, обращенную ко всему классу, пишет контрольную, выходит к доске, няня сидит за дверью, он просто знает, где её найти, но пока никаких ситуаций, требующих срочного вмешательства не было. По расписанию на свои индивидуальные занятия он ходит по школе тоже сам. С удовольствием помогает в игровой комнате складывать мягкие модули, помогал на первом этаже клеить окна, чтобы с улицы не заглядывали.

Особенно нужно отметить отношение к нему пятиклассников. Получилось так, что они все пришли в класс новенькие, и он такой большой (ему 15 лет) с ними сидит, но раз так было почти сразу, значит так надо. Он познакомился и даже «подружился» с некоторыми детьми, по крайней мере, на уроке информатики, где относительно неформальная обстановка, и каждый собирает из ЛЕГО и программирует что-то свое. К Роме обращаются, чтобы показать свою модель. Однажды даже пришлось сделать замечание, чтобы Рома не болтал с соседом во время объяснения (вот они ростки социализации). При этом дети, конечно, понимают, что он какой-то не такой, но относятся к нему абсолютно доброжелательно, спрашивают, почему он не на все уроки с ними ходит (ответ: у него индивидуальное расписание), напоминают учителю, что он тоже должен складывать после урока свой набор ЛЕГО (ответ: он сложил, а это остались те детали, которые ему дали дополнительно). В этом году Рома впервые пришел на школьный праздник.

Таким образом, на данный момент налицо явный прогресс. Конечно, не очень понятно, что будет с ним дальше, но, повторюсь, школьная жизнь — это не подготовка к взрослой жизни, это просто жизнь. А сейчас Рома ходит в школу как все, развивается, бывает, что огорчается, но бывает и счастлив, значит — живет. ■